

*Посвящается Морин Кинг,
ушедшей от нас,
но не забытой нами*

ПРОЛОГ ■

Июнь, 17

Когда жидкое золото попало в вены и растеклось по всему телу, глаза Эми Уайльд закрылись. Мысленно она представила себе след этой жаркой белой красоты, плывущей к мозгу.

Эффект она почувствовала практически мгновенно. Наслаждение, яркость которого причиняла ей почти физическую боль, охватило каждый миллиметр ее тела. Эйфория перенесла ее на другую планету, в другой, еще не познанный мир. Еще никогда в жизни она не испытывала подобного. Все ее тело охватило блаженство. Волны экстаза прокатывались по ее коже, мышцам, сухожилиям, достигая самого мозга ее костей. Но сила ощущений стала быстро ослабевать, хотя она тщетно цеплялась за них.

«Не уходи. Я люблю тебя. Ты мне нужен!» — вопило, умоляло, заклиало ее сознание, изо всех сил цепляясь за исчезающие впечатления.

И когда последние судороги счастья прекратились, она повернула голову налево и улыбнулась Марку, своему любовнику, другу, своей родственной душе, так, как она делала это после каждой совместной дозы героина.

И тут же, сквозь накатывающую усталость, засасывающую ее в зовущее черное ничто, которое всегда наступало после укола, поняла, что с Марком что-то не так.

Она знала, что они сидят на полу в незнакомой комнате. Она ощущала тепло от батареи сквозь джинсовую куртку. Знала, что на руках у нее наручники, но это ее не волновало. После такой дозы ее вообще ничего не волновало.

Она попыталась позвать Марка, но никак не могла произнести его имени.

С Марком что-то было не так.

Его глаза, подернутые дремой, еще не закрылись. Более того, они были широко распахнуты и таращились, не мигая, на какую-то точку на потолке.

Эми хотелось протянуть руку и дотронуться до него, разбудить его. Она хотела, чтобы он увидел ее улыбку, прежде чем они провалятся в темноту.

Но она не могла пошевелиться.

И с этим тоже что-то было не так. Обычно тяжесть, доходящая до самого мозга костей, делала ее сонной и отяжелевшей, но она всегда могла собрать достаточно сил, чтобы повернуться к Марку и прижаться к нему.

А сейчас ее охватывала всепоглощающая слабость, которая давила на ее веки, заставляя провалиться в сон. Она должна собраться, повернуться и прижаться к Марку.

Сквозь опутывающий ее туман Эми изо всех сил попыталась пошевелить хотя бы пальцем, но не смогла. Мозг отказывался посылать сигналы ее органам.

Эми попыталась бороться с охватывающей ее вялостью, которая напоминала одеяло, натягиваемое на голову.

Она ощущала себя слабой, беспомощной, неспособной прогнать всепоглощающую темноту, но в то же время понимала, что нужна Марку.

Все бесполезно. Она больше не может бороться с преследующими ее тенями.

Ее глаза медленно закрылись, и последнее, что она услышала, был хлопок закрываемой двери.

ГЛАВА 1 ■

Ким почувствовала, как от назойливого постукивания, звучавшего в левом ухе, у нее сжались челюсти.

В гараж через ставень, открытый для того, чтобы дать возможность проникнуть внутрь легкому ветерку, колеблющему тяжелый, грозовой июньский воздух, влетела ночная бабочка. Насекомое колотилось о шестидесятиваттную лампочку.

Но из себя ее вывело вовсе не постукивание его крыльев.

— Если тебе надоело, то проваливай, — сказала она, наблюдая, как несколько чешуек ржавчины с колеса упали ей на джинсы.

— И вовсе мне не надоело. Я просто задумалась, — ответила Джемма, наклоняя голову набок и тоже глядя на ночную бабочку, которую вот-вот должен был хватить инфаркт.

— Докажи, — сухо потребовала Ким.

— Я пытаюсь решить, взять цветы с собой или поставить их в вазу дома...

— М-м-м... — услужливо промычала Ким, продолжая очищать обод.

Она знала, что Брайант и многие другие не могут понять, что связывает ее с этой девчонкой, которую когда-то подослали, чтобы убить ее. С этим ребенком, которым манипулировала ее вечная врагиня доктор Александра Торн.

Брайант считал, что девочку давно надо запереть в тюрьме Дрейк-Холл, где в настоящий момент отдыхала от трудов праведных ее мамаша и где Джемма впервые столкнулась с психиатром-социопатом, целью всей жизни которой стало терзать Ким при первой же возможности после того, как последняя положила конец издевательствам Торн над ее беззащитными пациентами¹.

Брайант был уверен, что человек ни при каких обстоятельствах не может подружиться со своим потенциальным убийцей. Вот так просто. Хотя все было гораздо сложнее. Потому что Ким хорошо знала две вещи: она была прекрасно осведомлена о том, насколько успешно Александра Торн могла манипулировать слабостями и недостатками других людей — теми, о которых эти люди знали, и теми, о которых они даже не подозревали. А еще Ким знала, что у девочки было дерьмовое детство, в чем ребенок был совершенно не виноват.

Так что то, что она ничего не ответила Джемме, вовсе не значило, что она не воспринимает девочку серьезно. Просто Ким была уверена, что цветы Джемме не понадобятся.

Мать Джеммы не вылезала из тюрем, подбрасывая девочку по очереди всем родственникам, пока все они дружно не отказались от ребенка. И Джемме пришлось торговать собой, чтобы не умереть с голоду. Но, несмотря на все это, девочка продолжала встречаться с матерью и навещать ее в тюрьме при первой же возможности.

Женщину должны были освободить на следующей неделе, но каждый раз, когда время выхода на свободу приближалось, она умудрялась влипнуть в какую-нибудь историю и получить дополнительный срок.

Когда-то Ким предложила девочке приходить к ней каждый раз, когда той будет нечего есть, вместо того чтобы зарабатывать себе на пропитание на улицах. В конце

---

¹ См. книги Марсонс «Злые игры» и «Кровные узы».

концов она всегда может предложить ребенку если и не изысканную пищу, то пиццу или чипсы.

Джемма стала появляться у нее, несмотря даже на то, что около месяца назад она получила временную работу в библиотеке Дадли.

— А что у тебя на работе? — спросила Ким, стараясь перевести разговор с матери девочки.

Джемма фыркнула, и инспектор рассмеялась.

Иногда девочка вела себя как умудренная жизнью восемнадцатилетняя особа, а иногда она оставалась просто восемнадцатилетним ребенком.

И как раз сегодня Ким вовсе не возражала против ее прихода.

— Послушай, Джем, может быть, не стоит относиться к этому как...

— Это просто вынос мозга, — перебила ее девочка. — Не больше и не меньше. — Она состроила гримасу. — Выдаю книги. Принимаю книги. Расставляю книги по полкам. А вечерами, прежде чем мы закроемся, я должна выполнить свою любимую работу — протереть клавиатуры всех компьютеров общего пользования.

Ким постаралась спрятать улыбку. Было гораздо приятнее слушать, как Джемма жалуется на работу, чем выслушивать ее нытье о том, что она не может ее найти.

— А еще вчера ко мне подошел этот очаровательный божий одуванчик, — Джемма встала. Она сгорбилась и показала, как идет, опираясь на палку. — «Прости, милочка, не могла бы ты показать мне, как отослать эти фото моему сыночку в Новую Зеландию?» — сунула она мне под нос свою древнюю цифровую камеру. Честное слово...

— Минутку, — сказала Ким, услышав звонок телефона. — Стоун, — произнесла она в трубку, стряхивая ржавчину с джинсов.

— Прощу прощения за беспокойство, мэм, но в Холли три что-то происходит. Что-то непонятное. Мы смогли ра-

зобрать только адрес и одно слово, — раздался в трубке голос дежурного.

— Давайте адрес, — Ким встала.

— Башня Чосера, квартира 4Б, — продиктовал голос.

У Ким сжался желудок. Та самая башня, но на три этажа ниже. И именно сегодня, твою мать!

— Ладно, выезжаю. Сообщите Брайанту.

— Обязательно, мэ.м.

— Да, а слово? — вспомнила Ким. — Что это было за слово?

— «Труп», мэ.м. И больше ничего.

■ ГЛАВА 2

Ким на своем «Ниндзя»¹, сопровождаемая любопытными взглядами прохожих на тротуарах, которые были практически раздеты в тщетных попытках хоть немного охладиться в ночном воздухе, легко преодолевала повороты, переулки и тупики по дороге к Холлитри.

Солнце зашло около четверти часа назад — небо было окрашено в красный цвет, а температура зашкаливала за двадцать градусов по Цельсию. Впереди всех их ждала еще одна долгая и душная ночь.

Доехав до мусорных ящиков, инспектор направилась к башне Чосера, средней из трех жилых башен, торчащих в самом центре муниципальной застройки.

Считалось, что в башне Чосера живут абсолютные отморозки, даже по меркам Холлитри.

И в этой башне она провела первые шесть лет своей жизни. Обычно ей удавалось прятать эти воспоминания в самом дальнем углу своего сознания. Но не сегодня. Сегодня они занимали все ее мысли. Мотоцикл она оставила за «Астрой» Брайанта, рядом с двумя патрульными машинами, машиной «Скорой помощи» и мотоциклом сотрудни-

---

¹ Спортивный мотоцикл «Кавасаки».

ка службы экстренного реагирования. Сержант жил на несколько миль ближе, а ей еще понадобилось время, чтобы выпроводить из дома Джемму. Девочка с широко распахнутыми от любопытства глазами засыпала Ким вопросами о причинах столь срочного вызова.

И Ким ничего ей не сказала не потому, что не хотела, а потому, что сама ничего не знала.

— А вот и свинья на мотике, — услышала она голос в толпе, когда сняла шлем.

Инспектор покачала головой, проводя рукой по примявшимся коротким волосам. Она не слышала ничего подобного вот уже, кажется, дня три...

В толпе раздалась смешки, на которые Ким, направляясь к входу в здание, не обратила никакого внимания.

Она прошла через внешний и внутренний кордоны и уперлась в толпу полицейских возле лестницы и лифтов.

Правый из них опустил ниже уровня лестничной площадки — его двери были широко раскрыты, и он, скорее всего, был сломан.

— Вечер добрый, мэ, — сделала шаг вперед женщина-констебль. — Работает только один лифт. — С этими словами она показала на дисплей, говоривший о том, что лифт остановился на пятом этаже. — Мы зачищаем этаж выше и этаж ниже, мэ.

Ким понимающе кивнула. Лестница была заблокирована полицией, а лифтом могли пользоваться все жители дома.

Эвакуировать их всех из-за происшествия на одном из этажей было неразумно, так что придется обойтись малой кровью.

Инспектор подошла к лестнице и стала подниматься на четвертый этаж.

Слава богу, что ее левая нога почти полностью восстановилась после перелома, который она получила в результате падения с крыши двухэтажного здания три месяца назад во время расследования предыдущего дела¹.

¹ См. книгу Марсонс «Мертвая ученица».

На каждом этаже стояли полицейские в форме, чтобы любопытные не могли подобраться к месту происшествия. Один из них на четвертом этаже улыбнулся и распахнул перед ней дверь в коридор.

Ким подошла к ней.

И вдруг перед ней возник инспектор Планта.

— Какого черта?..

— Можете подождать минуточку? — инспектор посмотрел себе за спину.

Ким смерила его холодным взглядом. Она хорошо знала этого инспектора и несколько раз уже работала с ним. И что он здесь творит?

— Планта, если ты не уберешься...

— Это твой напарник, Брайант, — неловко ответил мужчина. — Он не хочет, чтобы ты входила.

— Что за хрень ты несешь? — взорвалась детектив. Она была старшей группы и хотела попасть на место преступления. — Мне наплевать...

И она замолчала, увидев за спиной инспектора Брайанта. Планта отошел в сторону.

Искаженное лицо Брайанта было пепельного цвета. В глазах плескался ужас. Так он не выглядел даже тогда, на полу, когда истекал кровью, а она зажимала ему рану во время их последнего крупного расследования¹. И если бы полицейские не знали его как детектива-сержанта, они вполне могли бы закутать его в термоодеяло.

— Брайант, что там, черт побери...

— Не заходите туда, командир, — негромко произнес сержант.

Ким попыталась понять, что же там могло произойти.

Вместе им доводилось видеть худшее, что человек может совершить с другим человеком. Они видели тела, и в нос им бил запах пролитой крови. Они видели почти полностью разложившиеся трупы, сплошь покрытые шевелящимися личинками и мухами. Вдвоем они раскапывали

---

¹ См. книгу Марсонс «Роковое обещание».

трупы невинных девочек-подростков. И Брайант знает, что она способна выдержать все, что угодно, — так почему же он пытается удержать ее?

— Ким, я прошу тебя как друг. — Сержант отвел ее в сторону. — Не заходи туда.

Никогда раньше он не называл ее по имени на работе. Ни разу.

Так что же он, черт побери, там увидел?

Ким глубоко вздохнула и уставилась на сержанта.

— Брайант, с дороги. И немедленно.

ГЛАВА 3 ■

Инспектор прошла сквозь ряды полицейских, которые расступились, освободив ей путь к месту преступления. Никто даже не посмотрел на нее.

«Меня здесь ждут, так какого черта нужно Брайанту? — подумала детектив, чувствуя, что сержант идет за ней. — Истеричка гребаная...»

Полицейские в форме раздвинулись, и Ким замерла на месте как вкопанная.

На несколько мгновений все звуки вокруг нее замолкли, движение прекратилось, а взгляд остановился на открывшейся перед ней сцене.

Во рту у нее мгновенно пересохло, и она испугалась, что сейчас потеряет сознание. Ким почувствовала, как Брайант поддержал ее за локоть.

Она повернулась и посмотрела на него. Лицо у него было сосредоточенным и испуганным. И только теперь до нее дошло. Она поняла, от чего он пытался ее защитить.

Инспектор с трудом сглотнула и повернула голову, стараясь избавиться от ощущения заторможенности в движениях.

Прямо перед ней, прислонившись спиной к батарее, сидел изможденный молодой человек лет двадцати, с чер-